

Б. В. Соколов

ЮЛИУС ЛИППЕРТ

(К 100-летию его «Истории культуры»)

Юлиус Липперт в наше время основательно забыт. Из изданных за рубежом за последние три десятилетия общих работ по теории и истории этнографии только в одной он упоминается, да и то лишь как последователь Бахофена в связи с мифом об амазонках¹. Между тем, как справедливо отмечает С. А. Токарев, Липперт «заслуживает более серьезного внимания, чем ему обычно уделяют: из всех эволюционистов он выделяется наиболее последовательной материалистической (конечно, в рамках буржуазного понимания) точкой зрения на историю культуры человека»². Одно это заставляет нас обратиться к научному наследию Липперта, значительная часть которого выдержала проверку временем.

Липперт родился 12 апреля 1839 г. в богемском городе Браунау (ныне Броумов)³. Его отец — потомок силезских ткачей, был в Богемии владельцем небольшого магазина по продаже белья. В 12 лет Липперт был послан в бенедиктинскую гимназию. К торговым делам Липперта считали неспособным, в частности, из-за слабого здоровья. На третьем году учебы в гимназии его отец умер, а вскоре после тяжелой болезни скончалась мать. Кризис текстильной промышленности и болезнь матери привели к тому, что Липперт остался без средств. Тем не менее он смог поступить в высшую гимназию в Праге, где также посещал в университете лекции по праву, философии, истории и немецкому языку. Однако слабое здоровье, а главное — недостаток средств не позволили Липперту получить докторскую степень. Проблема добывания хлеба насущного преследовала ученого на протяжении значительной части его жизни. После окончания гимназии в 1863 г. Липперт был назначен преподавателем реального училища в г. Лейтмерице (ныне Литомерице). Здесь в 1865 г. он женился на Мальвине Фридрих — дочери разорившегося венского торговца текстилем, которая стала преданной спутницей его жизни⁴.

Позднее Липперт стал директором реальной школы в Будвейсе (Ческе-Будеёвице). Здесь он активно участвовал в проведении реформы школьного образования в Богемии, стремясь преодолеть косность австрийской бюрократической системы, придать процессу обучения более демократический и светский характер. Тем самым Липперт нажил немало врагов среди местных чиновников и клерикалов. Их усилиями в ок-

¹ Harris M. The Rise of Anthropological Theory. A History of Theories of Culture. N. Y., 1968, p. 196.

² Токарев С. А. История зарубежной этнографии. М.: Высш. шк., 1978, с. 47. Аналогичную мысль высказывает А. И. Першиц: Першиц А. И., Монгайт А. Л., Алексеев В. П. История первобытного общества. Изд. 3-е. М.: Высш. шк., 1982, с. 19.

³ Богемия — историческая область Чехии (нынешней Чешской Социалистической Республики) наряду с Моравией и Силезией.

⁴ Все биографические данные о Липперте взяты нами из его автобиографии, написанной в 1905 г.: Lippert Julius. An Autobiographical Sketch.— Amer. J. Sociol. September, 1913, v. 19, № 2, p. 145—165.

тябре 1874 г. он, находясь в то время в отпуске в Германии, был лишен своего места. Так закончился первый период жизни Липперта.

Уже во время учебы в гимназии Липперт занялся историческими изысканиями в городских архивах Чехии. В результате вышли в свет написанные им истории нескольких городов. Сам Липперт в дальнейшем невысоко оценивал свои первые исторические работы, однако, как он отмечал в своей автобиографии, исследования в архивах научили его «к твердой почве фактов пробираться через описательную словесность». Липперт стал «строить изучение истории снизу вверх, а не идти от поверхности вниз»⁵. Это стремление проникнуть в суть явлений характерно для его дальнейшего творчества.

Лишившись работы, Липперт был вынужден искать средства к существованию. Еще работая учителем, он активно участвовал в деятельности Просветительского общества немцев Богемии. Теперь же Липперт принял предложение читать лекции в рамках основанного тогда же, в 1874 г., Общества по распространению народного образования. Общество было создано в только что родившейся Германской империи группой буржуазных либералов. Они полагали, что общественный прогресс достигим только благодаря просвещению народа. Среди учредителей Общества были такие известные ученые и общественные деятели, как Г. Шульце-Делич (председатель), Р. Вирхов и др. Липперт поселился сначала в Дрездене и стал разъезжать с лекциями по всей Германии. Осенью 1875 г. он стал генеральным секретарем Общества и переехал с семьей в Берлин. Липперт продолжал чтение лекций в разных городах Германии, и в то же время в его распоряжении оказались богатейшие библиотеки и музеи Берлина. Он задумал написать серию популярных книг по различным отраслям знания, которые должны были познакомить широкие массы населения с последними достижениями науки. Такие книги по ботанике, географии, геологии и астрономии были им написаны еще в Будвейсе. В Берлине Липперт занялся вопросами истории культуры, семьи и религии. Наряду с литературными и музейными материалами он широко использовал свои наблюдения над обычаями, жилищем, одеждой и бытом населения различных местностей, почерпнутые во время лекционных турне по Германии и жизни в ряде богемских городов. В произведениях Липперта в одинаковой степени можно найти примеры из этнографии как населения «экзотических» стран, так и современных ему германских и славянских народов⁶. Первая собственно этнографическая книга Липперта «Культ душ в его отношении к древнееврейской религии», вышедшая в свет в 1880 г. и вызвавшая недовольство клерикальных кругов, была враждебно встречена критикой. Ученый столь болезненно переживал ее неуспех, что даже рассматривал возможность удалиться от дел и эмигрировать в Бразилию, чтобы, в частности, изучать жизнь местных индейских племен. В 1881–1884 гг. из-под пера Липперта вышли «Религии европейских культурных народов», «Христианство, народные верования и народные обычаи», «Всеобщая история жречества» и «История семьи»⁷. Все эти работы сохранили определенное

⁵ *Lippert J. Op. cit.*, p. 148.

⁶ Русский этнограф А. Н. Максимов, на наш взгляд, необоснованно упрекал Липперта в недостаточном использовании чисто этнографического материала, под которым Максимов понимал сведения из жизни «нецивилизованных» народов (Энциклопедический словарь Гранат. Т. 27. Изд. 2-е, стлб. 180). Напротив, Липперту следует поставить в заслугу то, что он одним из первых стал рассматривать с этнографической точки зрения «цивилизованные» народы, сближая этнографию с современностью.

⁷ Ф. Энгельс в одном из писем К. Каутскому в 1884 г. весьма нелестно отозвался об «Истории семьи» Липперта. Он утверждал, что «эта книга — явный и бесстыдный плагиат из Моргана и Бахофена...» (*Маркс К., Энгельс Ф. Соч.* т. 36, с. 193). Однако в предисловии к своей работе Липперт особо подчеркивает значение для своего исследования «Материнского права» Бахофена (История семьи. СПб., 1897, с. VIII). Возможно, Энгельс судил о книге Липперта не по оригиналу, а по тенденциозной рецензии Г. Кальтенбека во «Франкфуртер Цайтунг», других же упоминаний имени Липперта у Энгельса нет. Следует отметить также, что Липперт критически воспринял предложенную Морганом классификацию форм семьи, и здесь его мнение совпадает с данными современной науки. Липперт высказывал также интересную мысль о возможности

значение до настоящего времени. Особенно ценно, что Липперт стремился выйти за узкие рамки эволюционизма, связать вопросы этнографии и истории религии с социальными факторами, с историческими условиями развития материального производства.

Между тем деятельность Общества по распространению народного образования все более тревожила Липперта. В результате обострения политической борьбы в Германии в конце 70-х годов, ознаменовавшейся, в частности, введением «исключительных законов» против социалистов, Общество от задач просвещения все более стало переходить к политической агитации либерально-буржуазного толка. Сам Липперт был близок к деятелям национально-либеральной и прогрессистской партий, выражавших интересы быстро растущей германской буржуазии. Однако он страшился активных политических выступлений масс и находил, что деятельность Общества в политическом плане зашла слишком далеко. В 1885 г. после ухода из Общества Липперт переехал в собственный дом в лесистом горном районе Центральной Богемии недалеко от Лейтмерица (Литомерице), заключив контракт со штутгартским издателем Ф. Энке. Это обеспечило ему средства к существованию на несколько лет и дало возможность в спокойной обстановке завершить работу над материалом, собранным в Берлине. В результате была создана «История культуры». В начале 1886 г. появился ее популярный краткий вариант, а в 1886—1887 гг.— более обширный двухтомник⁸. «История культуры» заслуженно принесла Липперту всемирную известность и еще при его жизни была переведена на ряд иностранных языков⁹. Она ознаменовала собой завершение второго периода жизни Липперта. В этом произведении наиболее полно отразились его взгляды на проблемы этнографии, культуры, политэкономии, поэтому рассмотрим «Историю культуры» более подробно.

Липперт выдвинул мысль, что «забота о поддержании жизни» (*Lebensfürsorge*) является основой развития общественной организации и культуры человека. «История культуры есть история того труда, который поднял человечество из низменного и бедственного состояния на занимаемую им теперь высоту... Силы человечества, сравнительно с силами животного царства, незначительны и ограничены, но зато его способности могут развиваться беспредельно»,— утверждает Липперт в самом начале своей книги (с. 1). Способности человека развились в условиях расселения его по земному шару и медленных изменений климата. «Постоянное упражнение в достижении новых целей увеличивало силу просветляющего мышления, и мысль человека одержала верх над враждебными силами природы, в борьбе с которыми погибли многие виды животного царства. Проследить этот процесс в его подробностях и есть задача истории культуры» (там же). Здесь Липперт выделил материальную основу культурного развития человечества, отметив в то же время основное отличие человека от животных — наличие мыслительных способностей (разума). Ученый указывал, что современная культура есть результат человеческой деятельности, причем «эта работа началась гораздо раньше, чем человеческая мысль могла обнять ее во всей ее целостности» (там же). Как полагал Липперт, побуждения к деятельности такого рода «бесконечно разнообразны и даже полны противоречий, но все они сводятся к заботе о поддержании жизни» (там же).

эволюции моногамной семьи в будущем, о необходимости растущей помощи семье со стороны общества (там же, с. 206).

⁸ Поскольку расширенное издание отличается от краткого только наличием ссылок на литературу и большим числом этнографических примеров, но не содержит каких-либо новых мыслей, то для анализа взглядов Липперта мы пользуемся русским переводом сокращенного варианта: *Липперт Ю.* История культуры. Пер. Острогорского А. Я. и Струве П. Б. СПб., 1894. Ссылки на это издание далее приводятся в тексте в скобках с указанием страниц.

⁹ Кроме русских переводов сокращенного варианта полная «История культуры» еще при жизни Липперта была издана в Варшаве на языке идиш и в Венгрии на венгерском (*Lippert J.* Op. cit., p. 161 n.), а в 1931 г. в США вышел сокращенный перевод на английском языке.

Отсюда он выводил возникновение понятий и институтов владения, поддержания мира и права и в некоторой степени косвенным образом — понятие о числах и новое вспомогательное средство — искусство письма (с. 2). Липперт стремился «раскрыть причины явлений и при помощи аналогий из приобретенного запаса понятий создавал представления о мире духов, культ и религиозные понятия» (там же). Липперт последовательно изложил в своей книге историю материальной культуры, историю общественных учреждений и, наконец, историю религии и мифологии. При этом он не видел «никакого основания для отделения „первобытной истории“ от последующих периодов, так как одни и те же факторы действуют на протяжении всей истории. Точно так же расовые и племенные отличия слишком незначительны в сравнении с общими импульсами человеческой деятельности, чтобы влиять на разделение материала. Расовые особенности чаще всего являются именно результатом разнообразия в тех средствах, которые природа давала отдельным группам людей, стремившимся к одной и той же цели — поддержанию жизни» (там же).

Точка зрения Липперта на историю культуры носила ярко выраженный материалистический характер. Он признавал равенство человеческих рас, единство законов исторического развития. Исследователь отстаивал ту мысль, что забота о поддержании жизни вызвала развитие материального производства, что в свою очередь «создает общественные организации, которые выходят из пределов инстинктивного творчества человека» и с развитием материальных успехов человечества «все более и более удаляются от форм, созданных инстинктивно» (с. 145). Это сближает его взгляды с историческим материализмом.

В отличие от других эволюционистов Липперт отнюдь не представлял общественный прогресс как простое прямолинейное движение. Описывая победу отцовского права над материнским, он отмечал: «Бесспорно, есть нечто грубое в этой новой организации, на почве которой при всем том выросли высшие культурные формы. Не следует ли, впрочем, жалеть о ней, как о форме регрессивной? Такое суждение легко могло бы быть навязано нам нашим чувством; но история культуры всегда идет своим путем вперед, и, если она на самом деле иногда двигается назад, то часто только затем, чтобы потом с еще большей силой двинуться вперед» (с. 173).

В другом месте Липперт подчеркивает, что «как бы ни была материальна какая-либо деятельность, она все-таки воспитывает в человеке известные обычаи, переходящие за сферу чисто материального» (с. 62). Налицо диалектический подход к понятию общественного прогресса, а также понимание того, что культура испытывает влияние материального производства опосредованно.

Липперт связывал возникновение рабства с развитием скотоводства, отмечая, что «повсюду в древних культурных странах господствующая организация управляет толпами рабочих, лишенных всякой воли. Древние знали, что этот „божественный порядок“ есть следствие скотоводства» (с. 130). Освободило же рабов, по мнению Липперта, «ни философия, ни религия, а железо, превратившееся в машину» (там же). Тут же он оговаривает, что «искусство обработки металлов само по себе конечно не влечет за собой таких непосредственных, обширных результатов; напротив того, оно прежде всего облегчает кочевнику не только охоту, но и ведение войны из-за добычи» (там же). Следует подчеркнуть, что не все взгляды Липперта по конкретным проблемам этнографии выдержали испытание временем. Так, сейчас никто не разделяет предложенной им гипотезы о непосредственном происхождении государства и его институтов из семейной организации (с. 145), а высказанное им мнение о возникновении рабства в связи с развитием скотоводства оспаривается большинством исследователей. Вместе с тем указанные проблемы остаются дискуссионными и в наше время.

Материалистическое понимание развития первобытного общества позволило ученому открыть знаменитое трехчленное деление первобытно-

го хозяйства (собирательство — земледелие — скотоводство)¹⁰. Он связывал возникновение первоначального ручного (мотыжного) земледелия с собирательством, указывая, что «женщины, на обязанности которых всегда лежало собирание съедобных растений, должно быть, первые подметили, что возобновление такого растения произойдет в том случае, если одно из семян снова упадет на землю... человек тем самым вступил на путь к земледелию» (с. 16). Липперт подчеркивал, что переход к земледелию зависел в первую очередь от почвенно-климатических условий и был невозможен на каменистых бесплодных почвах. В то же время он полагал, что «богатство природы вообще настолько же тормозит одну сторону заботы человека о пропитании — *сохраняющую*, насколько полное бесплодие тормозит другую сторону — *добывающую*» (с. 79). Прогресс земледелия не без основания он связывал с теми районами умеренного и субтропического поясов, где почва достаточно плодородна, но для получения устойчивых урожаев требуется труд и предусмотрительность (с. 19—21). Развитие скотоводства Липперт считает более поздним явлением, чем развитие земледелия, так как последнее более непосредственно связано с заботой человека о добывании пищи (с. 76). Одомашнивание животных произошло после возникновения земледелия, причем крупный рогатый скот был приручен в последнюю очередь (с. 83—85). Липперт полагал также, что отдельные племена охотников, оказавшихся в условиях, неблагоприятных для развития земледелия, могли одомашнить животных и перейти к скотоводству. При этом нередко происходило заимствование опыта одомашнивания животных у других племен (с. 84, 91—92). Липперт считал, что в развитии скотоводства важную роль сыграла диффузия, употребляя в связи с этим традиционное диффузионистское понятие «культурный круг» (с. 91). Таким образом, в отличие от других эволюционистов он придавал культурной диффузии очень большое значение. С ней он во многом связывал распространение такого явления, как добывание огня (с. 47).

В целом взгляды Липперта на пути развития земледелия и скотоводства совпадают с современными данными этнографической науки, согласно которым возникновение земледелия в общем предшествовало возникновению скотоводства¹¹.

Липперт высоко оценивал вклад Л. Моргана и Ф. Энгельса в развитие научной периодизации первобытной истории¹². Он, подобно Энгельсу, подверг критике Бахофена за ошибочное употребление термина «гетеризм» по отношению к первобытному обществу¹³. Вместе с тем Липперт критически отнесся к предложенной Морганом классификации стадий и развития семьи. Он не признавал права на существование в прошлом за «кровнородственной» и «пуналуальной» семьями. По мнению ученого, на смену наиболее древней парной семье пришла «патриархальная», а затем «моногамная». Материнский род как основанный на естественной биологической связи ребенка с матерью предшествовал отцовскому. Решающую причину первоначального господства материнского права Липперт видел в том, что «некогда ... в большей степени господствовала забота женщины о способах пропитания, и только впоследствии перевес остался на стороне тех способов добывания пищи, которыми пользовался мужчина» (с. 19).

Липперт связывал зарождение новой социальной (классовой) организации с разложением рода. Он подчеркивал, что понятие о собственности «зависит от характера хозяйственной деятельности народа»

¹⁰ В современной этнографии утвердилось мнение, что подобное открытие было сделано Э. Ханом в 1896 г., т. е. на 10 лет позже Липперта: см. *Токарев С. А.* Указ. раб., с. 113—118.

¹¹ См.: *Периц А. И., Монгайт А. Л., Алексеев В. П.* Указ. раб., с. 122.

¹² *Липперт Ю.* Введение в историю культуры. Пер. П. Б. М., 1899, с. 5 (первое издание этой работы на русском языке вышло в 1894 г.). Эта работа — перевод Введения к двухтомному варианту «Истории культуры». Автор перевода, вероятно, П. Б. Струве.

¹³ *Lippert J.* Kulturgeschichte der Menschheit in ihrem organischen Aufbau. В. 1. Stuttgart, 1886, S. 71.

(с. 152). Изменение форм собственности и социальной организации происходило, по мнению Липперта, в результате изменений в организации материального производства. «Толчком к . . . уклонению от древней формы всегда является какая-нибудь перемена в хозяйственной деятельности», — справедливо указывал он (с. 236).

Липперт стихийно во многом приблизился к историческому материализму, не встав, однако, на позиции революционного марксизма. Так, Липперт считал буржуазный строй вершиной общественного развития. Он отмечал, что при капитализме новая постановка труда производит переворот, который, с одной стороны, уравнивает сословия, с другой стороны, «создает новые формы разделения и организации труда и в то же время порывает с принципами отцовской власти, рабства и крепостного права. Возвышение буржуазии, освобождение крестьянства и борьба с притязаниями, основанными на происхождении, являются признаками этого переворота. Буржуазная промышленность первая показала путь к распределению труда, которое основывается не на приказании отцовской власти, а на взаимном соглашении и на различном, в зависимости от качества работы, участии в ее результатах. С тех пор человечество работает над возможно более справедливым и правильным распределением доходов; но принцип отцовской власти и воззрение на рабочего как на собственность оставлены навсегда... Историческая вероятность заставляет думать, что будущее — союзник свободы, за которую человечество с таким огромным трудом, но не безуспешно боролось в своей культурной работе» (с. 210). Верно подчеркивая прогрессивность капитализма по сравнению с рабовладением и феодализмом, Липперт, однако, рассматривал капитализм как строй, при котором достижимо действительное освобождение человечества. С идеализацией буржуазных порядков связано и воззрение Липперта на моногамную семью как на хранительницу «принципа нравственности» (с. 174). Последовательную марксистскую критику буржуазных семейных отношений дал только Ф. Энгельс в «Происхождении семьи, частной собственности и государства»¹⁴. В отличие от Моргана Липперт был знаком с концепцией собственно исторического материализма, по крайней мере, по указанной книге Энгельса. Однако он не принял идею о классовой борьбе как основе общественного развития, подобно тому, как и взгляды Моргана не носили революционного характера. В этом, как и во многом другом, Липперт был солидарен с другими этнографами-эволюционистами — Э. Тэйлором, И. Я. Бахофеном и др.

Непоследовательны были и взгляды Липперта на роль религии в обществе. Он вызывал справедливую ненависть клерикалов рационалистическим взглядом на происхождение религии, которое он связывал в первую очередь с эмоциями древнего человека, его страхом перед силами природы. Вместе с тем Липперту свойственно преувеличение роли религии. Например, он считал, что тотемизм в решающей степени способствовал доместикации животных (с. 79—80). Деятельность духовенства он характеризовал как «высшую ступень культуры», а религиозный культ — как особую форму проявления заботы о поддержании жизни. По мнению Липперта, церковь также сыграла чрезвычайно большую роль в развитии колонизации в Европе в эпоху средневековья¹⁵.

Липперт одним из первых построил теорию факторов, влияющих на развитие культуры и общества. Направленная против марксизма веберовская теория множественности исторических факторов появилась позднее. Следует подчеркнуть, что сам Липперт был гораздо ближе к марксизму, чем большинство исследователей его времени. Главным фактором развития, как уже говорилось, он считал заботу о поддержании жизни¹⁶. Липперту был чужд географический детерминизм Г. Бокля. Он подчеркивал, что нельзя «сводить все культурно-исторические при-

¹⁴ См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 65—85.

¹⁵ Липперт Ю. Введение..., с. 60—63.

¹⁶ Там же, с. 7.

чины исключительно к естественным условиям. Эти условия никогда не должно игнорировать . . . , но не должно также упускать из виду, как часто выступают другие „составляющие параллелограмм сил“, именно человеческие представления, связанные с объективными явлениями природы только законом природы, руководящим формальным актом мышления, но отнюдь не гарантирующим от заблуждений по отношению к объективным явлениям». Далее Липперт отмечал, что даже если выделить конечные элементарные факторы как физические силы, то «все-таки не следует упускать из виду, что в самом человеке из этих элементов образуются соединения вторичного и высшего порядка, — соединения, которые затем уже сами входят в ряд факторов культурного развития и действуют с силою природы». «Человеческому», или «духовному», фактору Липперт придавал важнейшее значение. «Личный элемент» в культурной и политической истории играет, по его мнению, большую роль, хотя и сам является результатом исторического развития¹⁷. В то же время Липперт отвергал объяснение исторических событий на основе идеалистических представлений о «народной душе». «Часто даваемое поверхностное объяснение важнейших моментов в истории культуры из особенностей „народной души“, — справедливо замечал он, — во многих случаях дает только кажущееся объяснение, так как сами-то эти особенности „народной души“ и надо объяснять»¹⁸.

После окончания работы над «Историей культуры» Липперт переехал в Прагу и принял активное участие в политической деятельности. Он стал одним из лидеров немецкой партии в Богемии, был депутатом австрийского рейхсрата и богемского ландтага. В своей деятельности Липперт стремился к проведению умеренных реформ в сфере образования, социального обеспечения, коммунального хозяйства. К чести его следует заметить, что Липперту был чужд узколобий национализм других руководителей партии, выступавших за «культурно-национальную автономию» немецкого меньшинства в Богемии, за подчинение чехов немцами. Он не одобрял политику австрийских властей, разжигавших немецко-чешские противоречия, и ратовал за полное равноправие чехов и немцев в Богемии и за равноправное положение чехов в Габсбургской монархии¹⁹. Отметим, что В. И. Ленин подчеркивал прогрессивное значение тяготения чехов к преобразованию Австро-Венгрии в триединое австро-венгро-славянское государство, которое в то время единственное могло обеспечить национальную независимость указанных народов от покушений соседних империалистических держав — кайзеровской Германии и царской России²⁰.

В результате расхождений с руководством немецкой партии, а также вследствие перенесенной в 1894 г. тяжелой болезни, от которой он так и не оправился, Липперт в 1898 г. отказался от активной политической и научной деятельности. В 1895—1898 гг. он опубликовал «Социальную историю Богемии в догуситские времена», не содержащую, однако, каких-либо принципиально новых положений по сравнению с предыдущими работами.

Отныне Липперт поселился в Ауссиге (ныне Усти над Лабой), где стал компаньоном своего зятя в коммерческой фирме. Вскоре после его отхода от политической деятельности Липперту предложили должность профессора в Высшей технической школе в Вене. Это было несколько запоздалым признанием его заслуг. Состояние здоровья самого Липперта и его жены не позволило ему принять приглашение. В 1904 г. Липперт потерял жену и зятя и последние годы жил вместе с дочерью. Он скончался 12 ноября 1909 г.

В последний период своей жизни Липперт время от времени печатался в различных журналах и изданиях. На его статью, посвященную

¹⁷ Там же, с. 38—39.

¹⁸ Там же, с. 40.

¹⁹ *Lippert J. An Autobiographical Sketch*, p. 164.

²⁰ *Ленин В. И. Полн. собр. соч.*, т. 25, с. 270—271.

швейцарскому экономисту и историку Сисмонди, обратил внимание В. И. Ленин, отметив, что Липперт вполне верно считал Сисмонди несоциалистом. Ленин также развил начатое Липпертом сравнение взглядов Сисмонди с воззрениями К. Маркса, между которыми Липперт установил тождество в постановке вопроса о прогрессивности развития капитализма в Германии, на который, однако, оба автора давали различный ответ²¹.

Еще при жизни Липперта его взгляды получили международную известность. Австрийский социолог Л. Гумплович считал его одним из отцов современной социологии²². Однако после смерти ученого буржуазная наука организовала вокруг него «заговор молчания»²³. Это произошло как из-за неприемлемости его взглядов для клерикальных кругов, так и из-за начавшейся широкой критики и ревизии эволюционизма в этнографии. Лишь в связи с некоторым возрождением эволюционизма в 30-е годы XX в. оживился интерес к взглядам Липперта. В 1931 г. видный американский последователь неоэволюционизма Дж. Мердок осуществил сокращенный перевод двухтомной «Истории культуры» на английский язык. Он не случайно выбрал для перевода именно работу Липперта, так как не без основания считал, что его взгляды в отличие от многих построений эволюционистов выдержали проверку временем. Дж. Мердок отметил также сходство положения Липперта о ведущей роли заботы о поддержании жизни с марксистской теорией²⁴. Однако в дальнейшем Липперт вновь был забыт, и его имя перестало упоминаться в издающихся на Западе трудах по истории этнографии и этнографической мысли.

Совершенно особую роль сыграло наследие Липперта в России. С 1894 по 1904 г. «История культуры» в переводе А. Я. Острогорского и П. Б. Струве выдержала шесть изданий, кроме того, в 1902 г. появился также другой перевод под редакцией Д. А. Коропчевского. В 1897 г. на русском языке появилась «История семьи», а «Введение в историю культуры» было в 1899 г. издано в массовой «Общепольной библиотеке для самообразования». В 20-е годы «История культуры» была переиздана, так же как работа Липперта о христианских праздниках.

Популярность идей Липперта в России была связана с возросшим интересом к марксизму в русском обществе. «Липперт принадлежит к тем немногим историкам культуры, которые очень близко подошли к материалистическому пониманию истории», что сделало его взгляды популярными в России в преддверии революции 1905 г.—справедливо отмечалось в предисловии к советскому изданию «Истории культуры»²⁵. В. Рожицын подчеркивал: «„История культуры“ была первым пособием в подпольных марксистских кружках, по которому начиналось изучение общества. Мы все очень многим обязаны Юлию Липперту. Он подготавливал своим объяснением культурного развития человечества усвоение молодым поколением марксистов материалистического понимания развития общественных форм. Он показывал, каким образом складывалось первобытное общество, какое значение для его развития имели производственные отношения, как на производственной базе складывались первые общественные формы»²⁶. Значительное влияние трудов Липперта на участников революционного движения в России, в том числе и членов немарксистских партий, отмечает и Дж. Мердок, основываясь на рассказах американских студентов, обучавшихся в то время в России²⁷.

²¹ *Lippert J. Sismondi.*—In: *Handwörterbuch der Staatswissenschaften.* В. 5. Jena, 1893, S. 676—677; *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 2, с. 124, 256.

²² *Gumpłowicz L.* *The Outlines of Sociology.* Chicago, 1899 (цит. по: *Murdock G. P.* Introduction).—In: *Lippert J.* *The Evolution of Culture.* N. Y., 1931, p. V.

²³ *Рожицын В.* Предисловие.—В кн.: Липперт Ю. Экономические основы христианских праздников. М.—Л., 1925, с. 10.

²⁴ *Murdock G. P.* Op. cit., p. XX.

²⁵ *Липперт Ю.* История культуры в изложении с дополнениями и примечаниями Н. Н. Андреева и Л. В. Щегло. Л., 1925, с. 3—4.

²⁶ *Рожицын В.* Указ. раб., с. 3.

²⁷ *Murdock G. P.* Op. cit., p. XXV.

Липперт, конечно, не был историческим материалистом. Не был он и революционером. Его воззрения были близки взглядам русских «легальных марксистов», недаром лидер последних П. Б. Струве был одним из переводчиков Липперта на русский язык. Однако либерализм Липперта делал его книги приемлемыми для царской цензуры, и тем самым взгляды, в ряде пунктов близкие к марксистским, становились доступными широкой публике. В этом отношении положительная роль трудов Липперта несомненна.

К трудам Липперта вполне применимы слова В. И. Ленина о значении «легального марксизма» в России и временном союзе с ним революционной социал-демократии: «Благодаря этому союзу была достигнута поразительно быстрая победа над народничеством и громадное распространение вширь идей марксизма (хотя и в вульгаризованном виде)»²⁸.

Липперт был одним из первых этнографов, близко подошедших к историческому материализму. Его взгляды были в значительной мере свободны от крайностей эволюционизма, и некоторые выдвинутые им положения не устарели и сегодня. Труды Липперта объективно способствовали распространению материалистических взглядов на историю общества и во многом сохраняют свое значение до настоящего времени.

---

²⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 16.